
РЕГИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ КАК ОБЪЕКТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО МОНИТОРИНГА*

А.В. Мозговая, Е.В. Шлыкова

Институт социологии Российской академии наук,
Москва, Россия

Исходным положением для формулировки целевого назначения настоящей статьи является признанный исследователями и практиками феномен неравномерности социально-экономического положения регионов современного общероссийского пространства, включающий и неравенство в распределении рисков. Цель статьи состоит в обосновании целесообразности организации и проведения комплексных экономико-социологических мониторингов регионального статуса безопасности. Подтверждается научная и практическая потребность в информации о субъективных оценках степени уязвимости и ресурсах противостояния рискам, полученной посредством репрезентативных социологических опросов населения. В формате ретроспективной рефлексии опыта эмпирических исследований как коллег из регионов, так и данных своего научного подразделения авторами формулируются методологические положения, анализируется опыт разработки и применения целого ряда показателей социальной защищенности, отношения к риску, безопасности жизненной среды и др.; приводится интерпретация показателей в отношении их продуктивности для региональных мониторинговых исследований. Среди прочего авторами выделяются такие понятия, как «риск-компенсация» и «риск-выгода», «риск-защищенность», «риск-допустимость» и «риск-решение». Обосновывается прогностический потенциал социальной приемлемости риска как комплексного базового показателя для организации коммуникации социальных субъектов по поводу статуса безопасности регионов и территориальных сообществ.

Ключевые слова: регион; неравенство; риск; безопасность; социальные показатели; мониторинг; социология риска; регионы Российской Федерации

Неравномерность социально-экономического статуса регионов современного общероссийского пространства представляет актуальную социальную проблему и обуславливает востребованность ее научной рефлексии. Информационно-аналитическая работа подтверждает устойчивый рост числа исследований по проблемам региональных различий как в границах регионоведения, так и в рамках других научных дисциплин, в том числе социологии и рискологии. В монографии, обобщающей результаты комплексных исследований, выполненных учеными и специалистами научных организаций России, неравномерность социально-экономического развития регионов экспертами оценивается как один из стратегических рисков, угрожающих безопасности страны [42].

В социологической науке региональные различия исследуются как в рамках традиционных подходов [40], так и новых — основанных на поиске, анализе и обосновании нестандартных показателей регионального неравенства [2]. Отметим ряд целевых, монографических исследований социологической направленности: Н.И. Лапин обосновывает понятие «ассиметрии» российских регионов [19], В.В. Маркин — «неравенства» [20], А.Н. Проценко — «неравновесности» российских регионов [39].

---

* © А.В. Мозговая, Е.В. Шлыкова, 2016.

Н.И. Лапин отмечает, что нарастающая асимметрия российских регионов связана с непредвиденными последствиями, в первую очередь — с «разрушением жизненных миров поселенческих общностей» [19. С. 31]. В формулировке В.В. Маркина глубина и острота региональных неравенств вызывает целый ряд рисков, наиболее важными из которых являются «дезинтеграция социального пространства макрорегиона и России в целом; обособление отдельных региональных сообществ, а внутри них отдельных социальных слоев и этнических групп; снижение удовлетворенности жизнью, нарастание чувства социального неблагополучия в региональных сообществах; утрата доверия к органам власти всех уровней; потеря жизненных перспектив, особенно среди молодежи; деградация человеческого потенциала, обесценивание человеческого капитала; возбуждение социальной зависти к «соседям»; рост напряженности в межнациональных (межэтнических) отношениях, ведущий к социально-этническим конфликтам» [20. С. 126]. А.Н. Проценко подчеркивает, что региональное «состояние риска в России не может считаться равновесным. Это означает, что в ряде „грязных“ регионов, где расположены опасные (загрязняющие) производства (электростанции, металлургические заводы, нефтеперерабатывающие и химические производства и проч.) риск для населения ... оказывается намного выше риска в „чистых“ регионах, не имеющих подобных производств» [39. С. 283—284].

С позиций социологии риска проблема региональной безопасности соотносится как с естественными региональными различиями, так и с неравенством в распределении рисков между российскими регионами и отдельными поселенческими общностями внутри них. Анализ научной литературы по региональной безопасности показывает, что современные исследования этого явления ведутся в основном в следующих направлениях: региональная безопасность рассматривается как необходимое условие и важнейший компонент в обеспечении национальной безопасности России [14]; изучаются различные аспекты безопасности регионов, соответствующие основным сферам жизнедеятельности общества: экономический [7; 15]; социальный [13; 17; 35; 37]; экологический [33]; производственный (технологический, техногенный) [6; 41]; информационный [11]; большой объем публикаций сфокусирован на изучении энергетической и продовольственной безопасности на региональном уровне, усиленный, очевидно, сегодняшними особенностями социально-экономического положения страны в целом и регионов в частности [см., например, 4; 45]; исследуются узкие аспекты региональной безопасности: миграционная, этно-региональная, инвестиционная, финансовая, бюджетная, налоговая, кадровая, гигиеническая, общественная, военная, террористическая, пожарная, дорожного движения, компьютерных систем и т.д.

Для оценки состояния и уровня региональной безопасности в основном используются так называемые объективные показатели, основанные на статистических данных, с преобладанием собственно экономических критериев. В научной литературе представлен целый ряд продуктивных с точки зрения науки и практики систем показателей, отличающихся полнотой и значимостью. Развернутая номенклатура показателей безопасности жизнедеятельности и стратегического риска, развития человеческого потенциала, образа жизни, экономической безопасности,

критериальные количественные значения первичных показателей безопасности по сферам жизнедеятельности для федерального и регионального уровней, разработанные ведущими научными организациями страны, собраны в коллективной монографии «Стратегические риски России: оценка и прогноз» [42. С. 288—379].

Показатели, которые можно отнести к «человеческому измерению» региональной безопасности, представлены значительно меньше [см., напр.: 36]. Нам представляется необходимым привлечь внимание к тому, что анализ социальной ситуации не будет полным без информации о том, каким образом эта ситуация воспринимается и оценивается населением территориальных региональных и поселенческих общностей.

Неравенство в распределении рисков как один из социальных факторов зафиксировать можно только через оценочные субъективные показатели, а динамику процесса — через мониторинг. Это особенно актуально в связи с существенными содержательными изменениями, которые претерпел Федеральный закон РФ «О безопасности». Так, в редакции Закона РФ от 5 марта 1992 г. № 2446-1 «О безопасности» (утратившего силу) к основным принципам обеспечения безопасности отнесены следующие: «законность; соблюдение баланса жизненно важных интересов личности, общества и государства; взаимная ответственность личности, общества и государства по обеспечению безопасности; интеграция с международными системами безопасности» [9].

В действующей редакции Закона основными принципами обеспечения безопасности являются: «соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина; законность; системность и комплексность применения федеральными органами государственной власти, органами государственной власти субъектов Российской Федерации, другими государственными органами, органами местного самоуправления политических, организационных, социально-экономических, информационных, правовых и иных мер обеспечения безопасности; приоритет предупредительных мер в целях обеспечения безопасности; взаимодействие федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, других государственных органов с общественными объединениями, международными организациями и гражданами в целях обеспечения безопасности» [44].

Сравнительный анализ редакций Закона «О безопасности» показывает, что произошел переход от стратегии реагирования на нарушение безопасности и смягчения последствий к стратегии предвосхищения и предупреждения подобных нарушений. Смыслообразующим ядром национальной безопасности выступает *защищенность* человека на индивидуальном, групповом, региональном и общероссийском уровне. Взаимодействие государственных органов, общественных объединений и населения как нормативный механизм обеспечения этой защищенности требует обоснования *социологических* показателей комплексного научного мониторинга, на базе которых возможно построить эффективную коммуникацию между экспертами разных направлений, представителями органов власти и населением.

Сотрудниками сектора проблем риска и катастроф Института социологии РАН много лет разрабатываются и апробируются социологические показатели риска и безопасности на региональном, локальном и личностном уровне [30]. В следующем разделе представлен ретроспективный анализ нашего опыта: оценивается ряд субъективных социологических показателей с точки зрения продуктивности их использования в системе комплексного мониторинга региональной безопасности.

Прежде чем перейти к описанию опыта эмпирических исследований, определим основные понятия, в рамках которых работает сектор: регион, безопасность, риск, мониторинг.

Регион — это прежде всего единица организации пространства, толкование которого зависит от критерия, выбранного для характеристики той или иной части пространства, дифференцирующего ее от других. Классифицировать подходы к определению понятия «регион» можно по нескольким критериям. По территориальному критерию регион рассматривается как единица территориального деления страны. По административному критерию основной системообразующей характеристикой региона является наличие политико-административных органов управления [3]. Еще одним критерием для определения понятия «регион» выступает общность условий: природных, географических, социально-экономических, национально-культурных и иных [12]. В основе хозяйственного подхода к толкованию понятия «регион» лежит региональное разделение труда и процессы воспроизводства [10]. По социально-экономическому критерию регион рассматривается как целостная система, обладающая экономической самостоятельностью [8].

В предметных рамках социологической науки регион представляет собой один из уровней анализа общего и особенного в проявлении социальных процессов, функционировании социальных институтов, в характере рефлексии их продуктивности в сознании региональной территориальной общности, а также в наличии и особенностях ее самоидентификации [16]. Отметим, что региональное самосознание, на наш взгляд, включает в себя не только отождествление с определенной территориальной общностью, но и дифференциацию от жителей других регионов. В соответствии с социологической спецификой определим *регион* как сложившуюся в определенных административных границах в соответствии с общностью природных, географических, национально-культурных и хозяйственных условий территориальную поселенческую общность, обладающую экономической, политической, социокультурной целостностью, и выступающую в качестве субъекта в системе социально-экономического управления.

В концептуальных рамках социологии риска принято рассматривать категорию *безопасности* как «парную» по отношению к категориям, характеризующим меру опасности для социальных, экономических, технических и экологических систем, а именно: *опасность, риск, вызов и угроза*. Все эти категории являются производными от понятия *ущерб (вред)* и различаются по роли субъективного фактора в возникновении неблагоприятного результата. Классик социологии риска Н. Луман предлагает говорить о риске в том случае, если ущерб наступил в результате субъективного действия (решения); когда же причины ущерба вменяются не человеку, а окружающему миру, речь идет об опасности [51]. Мы определяем

риск как потенциальную возможность нанесения ущерба (вреда) определенному объекту или субъекту, обусловленную как наличием источника неблагоприятного воздействия, так и недостаточной защищенностью объекта или субъекта, реальной или субъективно воспринимаемой.

Категории опасность, риск, угроза, вызов характеризуют отсутствие или утрату объектом (субъектом) защищенности от оказываемого на него неблагоприятного воздействия. Именно через понятие защищенности безопасность связана с рисками, угрозами, вызовами и опасностями, поскольку является основной категорией, «характеризующей целевую функцию обеспечения максимально возможной при заданных условиях степени защищенности от неблагоприятных воздействий» [38. С.45] — приемлемый риск в отличие от абсолютной безопасности. Приемлемый риск рассматривается как показатель определенного уровня защищенности субъектов (объектов) от вредных воздействий различных источников, а значит, категория приемлемого риска является наиболее адекватным «отражением» безопасности.

Придерживаясь методологических принципов социологии риска, основанных на динамическом подходе и концепции приемлемого риска, *безопасность* мы понимаем как определенный статус того или иного социального субъекта (объекта), характеризующийся его нахождением в «условиях приемлемого риска» [39. С. 263] в конкретный отрезок времени. К такому пониманию безопасности практически одновременно пришли специалисты как в области технических и экономических наук, так и обществоведы. Количественные критерии приемлемого риска уже рассчитаны и успешно применяются на практике (в том числе и на региональном уровне) [39. С. 256—292].

Разрабатываются и качественные показатели приемлемости риска [25; 27]. Полагаем, что именно показатель приемлемости риска содержит потенциал для количественной и качественной оценки факторов, нарушающих безопасность, применим для оценки безопасности на разных уровнях (в том числе и региональном) и может рассматриваться как основа коммуникации субъектов для разработки программ обеспечения безопасности.

Как известно, формат мониторинговых замеров, в том числе и опросов населения, позволяет устанавливать тенденции, тренды социальных изменений. Публикуемые данные мониторингов различных фондов и организаций предоставляют самые широкие возможности для отслеживания динамики социального самочувствия населения страны, отдельных регионов и территориальных общностей. Тем не менее, в инструментариях тех мониторингов, данные которых имеются в открытом доступе, нет «целевых» эмпирических индикаторов, направленных на измерение как субъективных оценок респондентов относительно безопасности региона, района проживания, ближайшей среды жизнедеятельности, так и факторов влияния на эти оценки. Социологи, работающие в области исследований риска, установили, что социальные субъекты различаются по характеру установок, восприятия и оценок риска [22], эти оценки изменяются под воздействием целого ряда факторов и условий, зависят от оценки ими среды возникновения риска и его возможных последствий [1].

На протяжении многолетней исследовательской практики мы апробировали целый ряд индикаторов, характеризующих субъективные установки в отношении риска. К примеру, — «риск-компенсация» и «риск-выгода». Установка на «риск-компенсацию» заключается в принятии материальной компенсации за риск, например, проживания рядом с опасным предприятием (улучшение жилищных условий, дотации, страховка, участие в прибылях и пр.). Установка на «риск-выгоду» свидетельствует об определенном выборе в ситуации вероятности различного ущерба, связанной, например, с проживанием рядом или работой на опасном производстве, против социальных выгод и гарантий (занятость, доход, инфраструктура). Характер выбора можно описать как «обмен (продажу) безопасности на социально-экономическую выгоду». При использовании индикаторов установок на риск нам удалось вывести индексы согласия принять риск в обмен на компенсации в региональном исследовании на острове Сахалин и типологизировать отдельные поселенческие общности по значению этого индекса [31], а позднее — обосновать феномен, названный нами «эколого-экономическое противоречие», формирующийся в регионах с вредным производством вследствие несовпадения логики развития экономической сферы и интересов сохранения здоровой окружающей среды [24; 29] и зафиксировать специфику его проявления в отдельной поселенческой общности [48].

Методика анализа особенностей восприятия риска основана на конструировании индекса тревожности через оценку степени опасности ряда рисков и угроз, о которых сообщают средства массовой информации. При использовании индикаторов восприятия риска в ряде исследований нам удалось вывести индексы тревожности в отношении риска для различных поселенческих общностей [23]. Отметим, что существуют и другие подходы к оценке тревожности массового сознания: сравнительный анализ российских регионов по уровню тревожности на основе оценок 43-х страхов [49]; готовность населения обезопасить себя от тех или иных угроз [50]; анализ фобий и угроз в массовом сознании россиян [5]; анализ страхов отдельных категорий населения [34].

Отношение к риску первоначально рассматривалось нами на основании трех индикаторов: «риск-защищенность», «риск-допустимость» и «риск-решение». «Риск-защищенность» раскрывается через оценку личной социальной защищенности по различным заданным ситуациям. «Риск-допустимость» — это оценка степени допустимости следующих рисков: материального (потеря имущества, собственности); физического (ухудшение, утрата здоровья); психологического (стресс, потеря контроля над своей жизненной ситуацией); социального (потеря работы, служебного положения, статуса); духовного (обесценивание человеческой жизни, игнорирование гуманистических идеалов); морального (изменение жизненного уклада, слом планов); экономического (финансовые потери, утрата или обесценивание сбережений); экологического (дискомфорт от деградации окружающей среды). Содержанием «риск-решения» выступает индивидуальный выбор (на основании принятого решения) в опасной ситуации, например, принятие технологического риска при условии решения ряда экономических и социальных

проблем на территории проживания или принятие/непринятие жизни в условиях риска (возможности различных ущербов).

Использование индикатора «риск-защищенность» позволил нам зафиксировать «профиль социальной защищенности» в ряде поселенческих общностей с монопроизводством, характеризующихся потенциальным технологическим риском [23], а позднее на базе соотношения показателей «субъективно ощущаемая защищенность» и «удовлетворенность жизненными условиями» — обосновать формирование специфической солидарности в поселенческой общности, адаптирующейся к острому риску [28].

Использование индикатора «риск-защищенность» в общероссийском исследовании отношения населения к терроризму как специфическому типу риска (руководители М.К. Горшков и А.В. Мозговая), позволило зафиксировать низкий уровень защищенности населения России в целом от террористической угрозы и построить региональный «рейтинг тревожности» относительно возможности/невозможности терактов в регионе проживания [43].

При использовании индикатора «риск-допустимость» в ряде исследований нам удалось вывести индексы допустимости риска для различных поселенческих общностей [23], зафиксировать «профиль риск-допустимости» старшеклассников в общности с вредным производством [32], типологизировать население ряда российских регионов по допустимости риска («риск-толерантные», «риск-противники», «риск-дифференцирующие») и на основе сравнительного анализа этих типов допустимости риска выявить целый ряд существенных региональных различий [21]. Использование индикатора «риск-решение» позволило нам выявить региональные различия в поведении населения в прожективных ситуациях риска [21] и различия адаптационных стратегий и соответствующих им способов адаптации населения, проживающего в поселенческой общности, адаптирующейся к острому риску [26].

В более поздних исследованиях набор индикаторов отношения к риску расширился и детализировался. Среди «новых» индикаторов, позволяющих описать специфику отношения к риску — характер риска, информированность о природе возникновения рисков и специфике их воздействия на общество [22]. Анализ уровня информированности о риске, являющемся условием проживания в городе с предприятием ядерного комплекса, позволил зафиксировать связь этого индикатора с негативным отношением к ядерной промышленности в целом и высоким уровнем обеспокоенности в отношении рискогенности жизненной среды [32]. Использование индикатора «характер риска» (добровольный/навязываемый) в ряде исследований позволил нам сделать вывод о его связи с оценкой приемлемости риска применительно к различным опрошенным совокупностям [28; 32; 46].

Для интерпретации результатов последних региональных исследований мы использовали комплексный показатель отношения к риску, состоящий из (1) общей оценки риска, основанной на самооценках безопасности среды; уязвимости (незащищенности) по отношению к возможным ущербам и готовности к риску; (2) отношения к источнику неблагоприятного воздействия; (3) оценки возможно-

сти и механизмов обеспечения приемлемого уровня риска. По этому показателю в общности, проживающей в условиях острого риска, нам удалось зафиксировать связь неприемлемого уровня риска с выбором способа поведения, в том числе протестной активности [47].

Анализ приемлемости риска в этой общности по таким индикаторам, как «восприятие личной защищенности» и «дистанция социального распределения рисков», позволил установить, что население склонно оценивать риски и уязвимость к ним на отдаленной дистанции социального распределения: в масштабах влияния на страну в целом или регион проживания [18], что подчеркивает важность «человеческого измерения» безопасности именно на региональном уровне.

Отрефлексированный выше исследовательский опыт показывает продуктивность использования описанных индикаторов для анализа регионального неравенства в распределении рисков и включения их в систему показателей региональных мониторингов безопасности. Полагаем, что сравнение различных поселенческих общностей по специфике отношения к риску позволит выделить в общероссийском пространстве «благополучные» и «неблагополучные» регионы по критерию безопасности и защищенности от рисков и угроз.

Таким образом, в статье мы предложили подход к анализу региональной безопасности с позиций социологии риска. За рамками статьи остались существенные аспекты проблемы: принципы структуризации показателей, их институализация в системе управления региональной безопасностью. Тем не менее, анализ позволяет сформулировать ряд выводов и направлений развития и реализации предложенного подхода:

— В анализ региональной безопасности наряду с другими аспектами регионального неравенства целесообразно включать неравенство в распределении рисков.

— Приоритетный объект безопасности, отраженный в действующем законодательстве, а именно: соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина, требует расширения возможностей «человеческого измерения» безопасности, в том числе и на региональном уровне.

— Изменение концептуального подхода к управлению безопасностью от парадигмы абсолютной безопасности к концепции приемлемого риска обуславливает актуальность и значимость научных разработок в области социальной приемлемости риска. Предлагаемый подход учитывает показатели, имеющие качественную природу — отношение к риску.

— Переход от стратегии реагирования на нарушение безопасности и смягчения последствий к стратегии предвосхищения и предупреждения подобных нарушений предполагает необходимость учета в ходе анализа региональной безопасности прогностических возможностей используемых показателей. Полагаем, что в основе прогноза возможных нарушений безопасности может лежать комплексный показатель приемлемости риска, количественно и качественно измеряемый. В силу своей динамической природы этот показатель требует мониторинговых региональных замеров.

— Нормативный механизм обеспечения безопасности, предполагающий взаимодействие государственных органов, общественных объединений и населения, обуславливает важность социологической поддержки эффективной коммуникации между экспертами разных направлений, представителями органов власти и населением для поддержания определенного статуса безопасности на разных уровнях, в том числе, региональном.

— Смещение ответственности за обеспечение безопасности в сферу деятельности органов государственного управления всех уровней обуславливает потребность в научной разработке положений социологической концепции ответственности [52].

В заключение считаем целесообразным упомянуть следующее. Когда статья была практически готова к публикации, в средствах массовой информации появились тревожные отклики экспертного сообщества на заявление спикера Совета Федерации РФ В. Матвиенко о «перекрылке региональной карты» России и укрупнении ряда регионов для выравнивания ситуации в «объективно нежизнеспособных регионах», что повышает актуальность и подтверждает своевременность очерченных в статье проблем.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] *Акимов В.А., Лесных В.В., Радаев Н.Н.* Риски в природе, обществе и экономике. М., 2004.
- [2] Актуализированные ценности современного российского общества / Отв. ред. И.А. Халий. М., 2015.
- [3] *Волков Ю.Г.* Регионоведение. Ростов н/Д., 2004.
- [4] *Гафуров А.Р.* Формирование системы управления энергетической безопасностью на региональном уровне // Экономика и управление. 2009. № 9.
- [5] *Горшков М.К., Петухов В.В., Крумм Р.* Россия на новом переломе: страхи и тревоги / Под ред. М.К. Горшкова, Р. Крумма, В.В. Петухова. М., 2009.
- [6] *Горюнкова А.А., Рудакова Д.А.* Основные методы управления производственной безопасностью на региональном уровне и предложения по их улучшению // Современные проблемы экологии. Сб. трудов XIII Международной научно-технической конференции. Тула, 2015.
- [7] *Гук С.В.* Экономическая безопасность: региональный анализ. Владивосток, 2008.
- [8] *Десятова Е.Ю.* Экономическая география и регионоведение. Челябинск, 2009.
- [9] Закон РФ от 5 марта 1992 г. № 2446-1 «О безопасности».
- [10] Закономерности и проблемы функционирования и развития экономики региона: теоретический и прикладной аспекты исследования / Под науч. ред. С.Ю. Авакова. Таганрог, 2004.
- [11] *Захаров А.П.* Информационная безопасность как компонент построения устойчивой социально-экономической системы // Сб. конф. НИЦ Социосфера. 2011. № 17.
- [12] *Игнатов В.Г., Бутов В.И.* Регионоведение. Ростов н/Д., 2004.
- [13] *Игнатова Т.В.* Проблемы управления региональной социально-трудовой и демографической безопасностью в пост-кризисный период // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2014. № 8.
- [14] *Казакова М.Н.* Региональная безопасность в системе национальной безопасности России // Регионоведение. 2011. № 3.

- [15] *Кириянов А.Ю.* Экономическая безопасность как особое направление обеспечения региональной безопасности в современном российском государстве // Адвокатская практика. 2006. № 1.
- [16] *Корепанов Г.С.* Региональная идентичность в дискурсе социологии регионального развития // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2009. № 4.
- [17] *Кормановская И.Р.* Социальная безопасность: региональный аспект // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2010. № 16.
- [18] *Корнилова М.В.* Риск: приемлемость, защищенность, социальное распределение // Социологическая наука и социальная практика. 2015. № 3.
- [19] *Латин Н.И.* Новые проблемы исследований региональных сообществ // Социологические исследования. 2010. № 7.
- [20] *Маркин В.В.* Региональное развитие Юга России: проблемы многомерной идентификации и моделирования // Гуманитарий Юга России. 2015. № 4.
- [21] *Мозговая А.В.* Допустимость ущерба как одно из социологических измерений отношения к риску // Социологические координаты риска / Под ред. А.В. Мозговой. М., 2008.
- [22] *Мозговая А.В.* Социология и управление риском // Социологические координаты риска / Под ред. А.В. Мозговой. М., 2008.
- [23] *Мозговая А.В.* Технологический риск как компонент окружающей социальной среды: восприятие и отражение в субкультуре территориальной общности // Риск в социальном пространстве / Под ред. А.В. Мозговой. М., 2001.
- [24] *Мозговая А.В., Комарова В.А.* Социологическое обеспечение рискованной коммуникации // Риск: социологический анализ, коммуникация, региональное управление / Под ред. А.В. Мозговой. М., 2004.
- [25] *Мозговая А.В., Шлыкова Е.В.* «Социальная приемлемость риска» как социологическая категория // Социология: 4М. 2010. № 31.
- [26] *Мозговая А.В., Шлыкова Е.В.* Социальные ресурсы и адаптация к риску: выбор стратегии (на примере социальной общности в ситуации конкретного риска) // Социологическая наука и социальная практика. 2014. № 4.
- [27] *Мозговая А.В., Шлыкова Е.В.* Социологические детерминанты приемлемости риска // Социологические координаты риска / Под ред. А.В. Мозговой. М., 2008.
- [28] *Мозговая А.В., Шлыкова Е.В.* Факторы формирования статуса безопасности в условиях острых и повседневных рисков // Социологическая наука и социальная практика. 2015. № 4.
- [29] *Мозговая А.В., Шлыкова Е.В.* Эколого-экономическое противоречие: социальный конфликт или согласие // Социальное согласие в современном мире. М., 2000.
- [30] *Мозговая А.В., Шлыкова Е.В., Городничева А.И.* Безопасность социальной сферы региона: постановка проблемы, показатели // Риск: социологический анализ, коммуникация, региональное управление / Под ред. А.В. Мозговой. М., 2004.
- [31] *Мозговая А.В., Шлыкова Е.В., Городничева А.И.* Экологический риск: социальные аспекты регионального природопользования // Риск в социальном пространстве / Под ред. А.В. Мозговой. М., 2001.
- [32] *Мозговая А.В., Шлыкова Е.В., Курочкина А.Е.* Рискогенная городская среда: адаптационный потенциал молодежи // Риск: исследования и социальная практика / Отв. ред. А.В. Мозговая. М., 2011.
- [33] *Молев М.Д.* Теория и практика управления региональной экологической безопасностью. Шахты, 2006.
- [34] *Нарбут Н.П., Троцук И.В.* Репертуар страхов российского студента: по материалам эмпирического проекта // Вестник РУДН. Серия «Социология». 2013. № 4.
- [35] *Нарбут Н.П., Троцук И.В.* Мировосприятие российской молодежи: патриотические и геополитические компоненты // Социологическая наука и социальная практика. 2014. № 4.

- [36] *Нарбут Н.П., Троцук И.В.* Страхи и опасения российского студенчества: возможности эмпирической фиксации // Теория и практика общественного развития. 2014. № 2.
- [37] *Ноянзина О.Е.* К концептуализации понятия «социальная безопасность региональных социумов» // Известия Алтайского государственного университета. 2013. № 2—1.
- [38] *Порфирьев Б.Н.* Риск и безопасность: определение понятий // Риск в социальном пространстве / Под ред. А.В. Мозговой. М., 2001.
- [39] *Проценко А.Н.* Об основных принципах и механизмах управления региональной безопасностью // Проблемы анализа риска. 2006. Т. 3. № 3.
- [40] Региональная социология: проблемы консолидации социального пространства России. М., 2015.
- [41] Региональные риски чрезвычайных ситуаций и управление природной и техногенной безопасностью муниципальных образований // Материалы IX Всероссийской научно-практической конференции по проблемам защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций. 20—21 апреля 2004 г. М., 2004.
- [42] Стратегические риски России: оценка и прогноз / Под общ. ред. Ю.Л. Воробьева. М., 2005.
- [43] *Толмач А.Д.* Феномен терроризма в массовом сознании // Социологические исследования. 2009. № 4.
- [44] Федеральный закон РФ от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности».
- [45] *Шапкина Л.Н.* Региональные аспекты управления продовольственной безопасностью // Terra Economicus. 2012. № 1—2.
- [46] *Шлыкова Е.В.* Безопасность или приемлемый риск как цель адаптации (на примере мигрантов и принимающего населения) // Риск: исследования и социальная практика / Отв. ред. А.В. Мозговая. М., 2011.
- [47] *Шлыкова Е.В.* Отношение к риску как дифференцирующий фактор выбора способа вынужденной адаптации. 2015 // URL: <http://www.isras.ru/publ.html?id=4081>.
- [48] *Шлыкова Е.В.* Потенциал протестной активности молодежи в условиях риска: анализ случая // Вестник Института социологии. 2015. № 2.
- [49] *Шубкин В.Н.* Страхи в России // Социологический журнал. 1997. № 3.
- [50] *Ядов В.А.* Структура и побудительные импульсы социально-тревожного сознания // Социологический журнал. 1997. № 3.
- [51] *Luhmann N.* Risk: A Sociological Theory. Berlin—N.Y., 1993.
- [52] *Mozgovaya A.V.* Methodological potential of responsibility concept in a sociological provision of technological risk management // Network Scientific Journal Research Result. Series: Sociology and Management. 2015. Vol. 1. No. 4.

REGIONAL SAFETY AS AN OBJECT OF SOCIOLOGICAL MONITORING

A.V. Mozgovaya, E.V. Shlykova

Institute of Sociology of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

The starting point for the scientific discussion of the article is the widely accepted fact of the economic and social inequality of different Russian regions' development including inequality of risks. The article aims to explain the necessity of conducting complex economic and sociological regional monitoring of different communities safety status. The authors emphasize the scientific and practical need in the information on the subjective estimates of risks and ways to overcome them obtained through the representative sociological surveys. Using the retrospective format of the methodological reflection of the

empirical studies conducted by the authors and their colleagues in different Russian regions, the authors analyze the methodological grounds for the study of such indicators as social safety, risk perception, estimates of life safety, etc. which are effective for regional monitoring aims. The authors consider such concepts as 'risk-compensation' and 'risk-advantage', 'risk-security', 'risk-permissibility' and 'risk-decision'; and prove the prognostic potential of the social acceptability of risk as a complex indicator for social actors' communication on the security status of regions and local safety.

Key words: region; social inequality; risk; safety; social indicators; monitoring; sociology of risk; regions of the Russian Federation

REFERENCES

- [1] *Akimov V.A., Lesnyh V.V., Radaev N.N.* Riski v prirode, obshchestve i ekonomike [Risks in Nature, Society and Economy]. M., 2004.
- [2] Aktualizirovannye tsennosti sovremennogo rossijskogo obshchestva [Current Values of the Contemporary Russian Society]. Otv. red. I.A. Khalij. M., 2015.
- [3] *Volkov Yu.G.* Regionovedenie [Regional Studies]. Rostov n/D., 2004.
- [4] *Gafurov A.R.* Formirovanie sistemy upravleniya energeticheskoy bezopasnostyu na regionalnom urovne [The control system of energy security formation at the regional level]. Ekonomika i upravlenie. 2009. No.9.
- [5] *Gorshkov M.K., Petukhov V.V., Krumm R.* Rossiya na novom perelome: straxi i trevogi [Russia on the New Turn: Fears and Anxieties]. Pod red. M.K. Gorshkova, R. Krumma, V.V. Petukhova. M., 2009.
- [6] *Goryunkova A.A., Rudakova D.A.* Osnovnye metody upravleniya proizvodstvennoj bezopasnost'yu na regional'nom urovne i predlozheniya po ikh uluchsheniyu [Basic methods of industrial security management at the regional level and suggestions for their improvement]. Sovremennye problemy ekologii. Sb. trudov XIII Mezhdunarodnoj nauchno-tehnicheskoy konferencii. Tula, 2015.
- [7] *Guk S.V.* Ekonomicheskaya bezopasnost': regional'nyj analiz [Economic Security: A Regional Analysis]. Vladivostok, 2008.
- [8] *Desyatova E.Yu.* Ekonomicheskaya geografiya i regionovedenie [Economic Geography and Regional Studies]. Chelyabinsk, 2009.
- [9] Zakon RF ot 5 marta 1992 goda № 2446-I «O bezopasnosti» [The law of the Russian Federation, 5 March, 1992, № 2446-I «On Security»].
- [10] Zakonomernosti i problemy funkcionirovaniya i razvitiya e'konomiki regiona: teoreticheskij i prikladnoj aspekty issledovaniya [Patterns and problems of functioning and development of regional economy: theoretical and applied aspects of research]. Pod nauch. red. S.Yu. Avakova. Taganrog, 2004.
- [11] *Zakharov A.P.* Informatsionnaya bezopasnost' kak komponent postroeniya ustojchivoj socialno-ekonomicheskoy sistemy [Information security as a component of the sustainable social-economic system]. Sb. konferentsij NIC Sociosfera. 2011. No. 17.
- [12] *Ignatov V.G., Butov V.I.* Regionovedenie [Regional Studies]. Rostov n/D., 2004.
- [13] *Ignatova T.V.* Problemy upravleniya regionalnoj socialno-trudovoj i demograficheskoy bezopasnostyu v post-krizisnyj period [Problems of managing regional social-demographic and labor security in the post-crisis period]. Nauka i obrazovanie: khozyajstvo i ekonomika; predprinimatelstvo; pravo i upravlenie. 2014. No. 8.
- [14] *Kazakova M.N.* Regionalnaya bezopasnost' v sisteme natsionalnoj bezopasnosti Rossii [Regional security in the system of national security of Russia]. Regionologiya. 2011. No. 3.
- [15] *Kiryaynov A.Yu.* Ekonomicheskaya bezopasnost' kak osoboe napravlenie obespecheniya regionalnoj bezopasnosti v sovremennom rossijskom gosudarstve [Economic security as a specific dimension of regional security in the contemporary Russian state]. Advokatskaya praktika. 2006. No. 1.

- [16] *Korepanov G.S.* Regionalnaya identichnost' v diskurse sociologii regionalnogo razvitiya [Regional identity in the discourse of sociology of regional development]. Vestnik RUDN. Seriya: Sociologiya. 2009. No. 4.
- [17] *Kormanovskaya I.R.* Socialnaya bezopasnost': regionalnyj aspekt [Social safety: Regional aspect]. Natsionalnye interesy: priority i bezopasnost'. 2010. No. 16.
- [18] *Kornilova M.V.* Risk: priemlemost', zashhishhennost', socialnoe raspredelenie [Risk: Acceptability, protection, and social distribution]. Sociologicheskaya nauka i socialnaya praktika. 2015. No. 3.
- [19] *Lapin N.I.* Novye problemy issledovanij regional'nykh soobschestv [New problems for the study of regional communities]. Sociologicheskie issledovaniya. 2010. No. 7.
- [20] *Markin V.V.* Regional'noe razvitie Yuga Rossii: problemy mnogomernoj identifikatsii i modelirovaniya [Regional development of the Russian South: Problems of multidimensional identification and modeling]. Gumanitarij Yuga Rossii. 2015. No. 4.
- [21] *Mozgovaya A.V.* Dopustimost' ushherba kak odno iz sociologicheskikh izmerenij otnosheniya k risku [Acceptability of damages as one of the sociological measurements of attitudes towards risk]. Sociologicheskie koordinaty riska. Pod. red. A.V. Mozgovoj. M., 2008.
- [22] *Mozgovaya A.V.* Sociologiya i upravlenie riskom [Sociology and risk management]. Sociologicheskie koordinaty riska. Pod red. A.V. Mozgovoj. M., 2008.
- [23] *Mozgovaya A.V.* Texnologicheskij risk kak komponent okruzhayushhej socialnoj sredy: vospriyatie i otrazhenie v subkulture territorialnoj obshhnosti [Technological risk as a component of social environment: Perception and reflection in the subculture of community]. Risk v socialnom prostranstve. Pod red. A.V. Mozgovoj. M., 2001.
- [24] *Mozgovaya A.V., Komarova V.A.* Sociologicheskoe obespechenie riskovoj kommunikatsii [Sociological support of risk communication]. Risk: sociologicheskij analiz, kommunikaciya, regionalnoe upravlenie. Pod red. A.V. Mozgovoj. M., 2004.
- [25] *Mozgovaya A.V., Shlykova E.V.* "Socialnaya priemlemost' riska" kak sociologicheskaya kategoriya ["Social acceptability of risk" as a sociological category]. Sociologiya: 4M. 2010. No. 31.
- [26] *Mozgovaya A.V., Shlykova E.V.* Socialnye resursy i adaptatsiya k risku: vybor strategii (na primere socialnoj obschnosti v situatsii konkretnogo riska) [Social resources and adaptation to risk: The choice of the strategy (on the example of the social community under the particular risk)]. Sociologicheskaya nauka i socialnaya praktika. 2014. No. 4.
- [27] *Mozgovaya A.V., Shlykova E.V.* Sociologicheskie determinaty priemlemosti riska [Sociological determinates of risk acceptability]. Sociologicheskie koordinaty riska. Pod red. A.V. Mozgovoj. M., 2008.
- [28] *Mozgovaya A.V., Shlykova E.V.* Faktory formirovaniya statusa bezopasnosti v usloviyakh ostrykh i povsednevnykh riskov [Factors of safety status formation under acute and daily risks]. Sociologicheskaya nauka i socialnaya praktika. 2015. No. 4.
- [29] *Mozgovaya A.V., Shlykova E.V.* Ekologo-ekonomicheskoe protivorechie: socialnyj konflikt ili soglasie [Ecological-economic contradiction: Social conflict or consensus]. Socialnoe soglasie v sovremennom mire. M., 2000.
- [30] *Mozgovaya A.V., Shlykova E.V., Gorodnicheva A.I.* Bezopasnost' socialnoj sfery regiona: postanovka problemy, pokazateli [Safety of the social sphere of the region: The problem and its indicators]. Risk: sociologicheskij analiz, kommunikaciya, regionalnoe upravlenie. Pod. red. A.V. Mozgovoj. M., 2004.
- [31] *Mozgovaya A.V., Shlykova E.V., Gorodnicheva A.I.* Ekologicheskij risk: socialnye aspekty regionalnogo prirodopolzovaniya [Environmental risk: Social aspects of regional natural resources use]. Risk v socialnom prostranstve. Pod red. A.V. Mozgovoj. M., 2001.
- [32] *Mozgovaya A.V., Shlykova E.V., Kurochkina A.E.* Riskogennaya gorodskaya sreda: adaptatsionnyj potentsial molodezhi [Risky urban environment: Adaptation potential of the youth]. Risk: issledovaniya i socialnaya praktika. Otv. red. A.V. Mozgovaya. M., 2011.
- [33] *Molev M.D.* Teoriya i praktika upravleniya regionalnoj ekologicheskoy bezopasnostyu [Theory and practice of managing regional environmental safety]. Shakhty, 2006.

- [34] *Narbut N.P., Trotsuk I.V.* Repertuar strakhov rossijskogo studenta: po materialam empiricheskogo proekta [Russian students' main fears: The results of an empirical study]. Vestnik RUDN. Seriya: Sociologiya. 2013. No. 4.
- [35] *Narbut N.P., Trotsuk I.V.* Mirovospriyatie rossijskoj molodezhi: patrioticheskie i geopoliticheskie komponenty [The Russian youth outlook: Patriotic and geopolitical components]. Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika. 2014. No. 4.
- [36] *Narbut N.P., Trotsuk I.V.* Strahi i opaseniya rossijskogo studenchestva: vozmozhnosti empiricheskoy fiksacii [Fears and hopes of the Russian student youth: Possibilities of empirical study]. Teorija i praktika obschestvennogo razvitiya. 2014. No. 2.
- [37] *Noyanzina O.E.* K konceptualizatsii ponyatiya "socialnaya bezopasnost' regionalnykh sociumov" [The conceptualization of term "social safety of regional societies"]. Izvestiya Altajskogo gosudarstvennogo universiteta. 2013. No. 2—1.
- [38] *Porfirev B.N.* Risk i bezopasnost': opredelenie ponyatij [Risk and safety: Definition of the terms]. Risk v socialnom prostranstve. Pod red. A.V. Mozgovoj. M., 2001.
- [39] *Protsenko A.N.* Ob osnovnykh principakh i mexanizmax upravleniya regionalnoj bezopasnostyu [The basic principles and mechanisms of regional security management]. Problemy analiza riska. 2006. Vol. 3. No. 3.
- [40] Regionalnaya sociologiya: problemy konsolidatsii socialnogo prostranstva Rossii [Regional Sociology: The Problems of Consolidation of the Russian Social Space]. M., 2015.
- [41] Regionalnye riski chrezvychajnykh situatsij i upravlenie prirodnoj i tekhnogennoj bezopasnostyu municipalnykh obrazovanij [Regional risks of emergency situations and management of natural and technogenic safety of municipalities]. Materialy IX Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferentsii po problemam zaschity naseleniya i territorij ot chrezvychajnykh situatsij. 20—21 aprelya 2004 g. M., 2004.
- [42] Strategicheskie riski Rossii: otsenka i prognoz [Strategic risks of Russia: Assessment and forecast]. Pod obsch. red. Yu.L. Vorobeva. M., 2005.
- [43] *Tolmach A.D.* Fenomen terrorizma v massovom soznanii [The phenomenon of terrorism in the mass consciousness]. Sociologicheskie issledovaniya. 2009. No. 4.
- [44] Federalnyj zakon RF ot 28 dekabrya 2010 goda № 390-FZ «O bezopasnosti» [Federal law of the Russian Federation, 28 December, 2010, № 390-FZ «On Security»].
- [45] *Shapkina L.N.* Regionalnye aspekty upravleniya prodovolstvennoj bezopasnostyu [Regional aspects of food security management]. Terra Economicus. 2012. No. 1—2.
- [46] *Shlykova E.V.* Bezopasnost' ili priemlyj risk kak tsel adaptatsii (na primere migrantov i primayushhego naseleniya) [Safety, or acceptable risk as a goal of adaptation (on the example of migrants and local population)]. Risk: issledovaniya i socialnaya praktika. Otv. red. A.V. Mozgovaya. M., 2011.
- [47] *Shlykova E.V.* Otnoshenie k risku kak differentsiruyuschij faktor vybora sposoba vyzhdennoj adaptatsii [The attitude to risk as a differentiating factor to choose the way of forced adaptation]. 2015. URL: <http://www.isras.ru/publ.html?id=4081>.
- [48] *Shlykova E.V.* Potentsial protestnoj aktivnosti molodezhi v usloviyax riska: analiz sluchaya [The potential of the protest activity of the youth under the risk: A case study]. Vestnik Instituta sociologii. 2015. No. 2.
- [49] *Shubkin V.N.* Strakhi v Rossii [Fears in Russia]. Sociologicheskij zhurnal. 1997. No. 3.
- [50] *Yadov V.A.* Struktura i pobuditelnye impulsy socialno-trevozhnogo soznaniya [Structure and incentives for social anxiety]. Sociologicheskij zhurnal. 1997. No. 3.